

Каракалпакские, которые он попытался сопоставить с аналогичными сооружениями у народов Центральной Азии, Сибири и Поволжья.

Проблема взаимовлияний таджикского и узбекского шаманства в конце XIX — начале XX в. — тема доклада О. Муродова (Душанбе). В нем дана характеристика общего и особенного в шаманстве этих соседних народов.

В. Н. Басилов (Москва) рассмотрел один доисламский мотив в мусульманской агиологии Средней Азии. Общеизвестна связь мусульманского культа святых с традициями других религий. Докладчик привел новые данные, подтверждающие это положение. Так, образ святого мученика, обезглавленного, но не умершего сразу, широко известный в исламе, видимо, имеет христианский источник, в то время как в сикхизм он, по всей вероятности, проник из ислама. В агиологии Средней Азии этот мотив, по мнению докладчика, мог появиться непосредственно из шаманских преданий тюркоязычных народов.

О старинном узбекском обычае устраивать поминки при жизни рассказала М. Рузиева (Ташкент). Подобный обычай встречался и у других народов Средней Азии, а также на Кавказе, что свидетельствует в пользу давней и глубокой культурной общности народов этих историко-этнографических регионов.

И. И. Шаманов (Черкесск) в своем докладе высказал мысль о генетической связи культа Тейри (Тенгри), распространенного у карачаевцев и балкарцев, с культурной традицией древнетюркских народов.

В. В. Цыбульский (Москва) сделал попытку рассмотреть системы летоисчисления в странах Азии и показать место календарей тюркоязычных народов в этих системах.

Три доклада на исторической секции были посвящены проблемам современной этнографии. М. Д. Савуров (Ташкент) на основе новейших полевых материалов рассказал о процессах сближения культуры и быта малых народов Узбекистана в период развитого социализма.

О взаимосвязях и взаимообогащении социалистических национальных культур алтайцев, тувинов и хакасов говорил в своем докладе Г. Г. Кожевников (Москва). Тюркские народы Южной Сибири прошли путь от патриархально-феодального строя к социализму, минуя капитализм. Связи между этими народами при социализме укрепились. Докладчик показал, что дальнейшее экономическое и культурное развитие рассматриваемых народов ведет к взаимообогащению всех форм их духовной жизни.

Б. П. Гуревич (Москва) в своем докладе показал, как извращается в трудах современных китайских ученых характер народных движений тюркского населения Восточного Туркестана в XVIII—XIX вв.

Проведенная конференция показала возросший за последние годы уровень тюркологических исследований в СССР, о чем говорит большая научная ценность большинства заслушанных докладов и сообщений. Следует отметить разнообразие рассмотренных в них историко-культурных и лингвистических проблем, комплексный характер многих исследований. Однако недостаточное внимание уделяется еще актуальным проблемам современного развития тюркоязычных народов.

Творческой работе конференции способствовала ее хорошая организация. Вместе с тем практика показывает, что не следует безмерно перегружать заседания конференций, особенно секционных, докладами и сообщениями. Публикация тезисов всех докладов не вызывает возражений, содержащиеся в них идеи следует обсуждать, но как раз для этого и не хватает времени. Поэтому было бы полезно, чтобы оргкомитеты заранее определяли направления, проблемы для обсуждения и добивались публикации тезисов, своевременной рассылки их участникам будущей конференции, что позволило бы им заранее подготовиться к дискуссии.

В дни работы конференции в здании Института рукописей им. Х. С. Сулейманова АН УзССР была организована выставка работ советских тюркологов, а в Институте истории АН УзССР проводилась торговля книгами. Участникам конференции была предоставлена возможность познакомиться с достопримечательностями г. Ташкента, побывать в музеях и театрах, совершить экскурсию в г. Самарканд.

Об успешной работе конференции говорилось на заключительном пленарном заседании в выступлениях руководителей секций, председателя Советского комитета тюркологов акад. А. Н. Кононова и шведского ученого Г. Явринга.

Следующую конференцию решено провести в г. Ашхабаде в 1984 г.

А. М. Решетов

ТРЕТЬИ МАКЛАЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ

14 и 15 апреля 1981 г. состоялись Третьи Маклаевские чтения в Ленинградской части Института этнографии АН СССР. В них принимали участие сотрудники Института этнографии, ЛГУ, Кораблестроительного ин-та, Всесоюзного географического о-ва, Музея истории религии и атеизма, Государственного Эрмитажа. Было заслушано 14 докладов: три — о жизни и деятельности Н. Н. Миклухо-Маклая, семь — по истории этнографии Австралии и Океании, два — по Китаю и Тайваню, один — по Таиланду и один — по Индонезии. По сравнению с предыдущими чтениями расширилась

тематика докладов в региональном плане, расширился и круг рассматриваемых проблем.

Как и всегда, большое внимание уделялось изучению научного наследия Н. Н. Миклухо-Маклая. Б. Н. Комиссаров (ЛГУ) выступил с докладом «Новые материалы о первом петербургском периоде жизни Н. Н. Миклухо-Маклая (1858—1864 гг.)». Докладчик выявил в Ленинградском государственном историческом архиве более 30 новых документов о молодых годах жизни ученого, освещенных в литературе крайне скупо, а нередко и неточно. В докладе, в частности, уточнено время поступления Н. Н. Миклухо-Маклая в Училище при лютеранской церкви св. Анны (1858 г.) и во Вторую петербургскую гимназию (1859 г.); приведены данные об успеваемости гимназиста Н. Миклухи; освещена история его участия в студенческих волнениях в сентябре — октябре 1861 г., ареста и заключения в Петропавловской крепости. В период обучения в Петербургском университете будущий путешественник слушал лекции видного русского анатома и физиолога Ф. В. Овсяникова, впоследствии учителя И. П. Павлова.

Д. Д. Тумаркин (Ин-т этнографии АН СССР, Москва) в докладе «Новые документы и материалы Н. Н. Миклухо-Маклая (По материалам командировки в Австралию)» дал характеристику документов, принадлежащих перу выдающегося русского ученого. В Сиднее докладчик обнаружил письма Миклухо-Маклая, в Брисбене удалось получить копию его «Записки о похищении людей и работорговле в Западной части Тихого океана». Особое внимание в докладе было уделено «Проекту развития Берега Маклая». Как показывают письма Н. Н. Миклухо-Маклая, на протяжении пяти лет (1876—1881 гг.) он вынашивал утопический для того времени план создания независимого Папуасского государства в северо-восточной части Новой Гвинеи, а в 1881—1886 гг. пытался его осуществить.

Сообщение Б. Н. Путилова (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) было посвящено прижизненной судьбе литературного наследия Н. Н. Миклухо-Маклая, подчас складывавшейся весьма драматично и сложно. Первый подробный отчет путешественника о пребывании на северо-восточном берегу Новой Гвинеи в 1871—1872 гг., присланный им в Русское географическое общество, был напечатан в «Известиях РГО» в сильно урезанном виде. Важные эпизоды жизни Миклухо-Маклая среди папуасов, установление отношений дружбы и взаимопонимания с ними в этой публикации были освещены очень слабо, что вызвало резкий протест со стороны Миклухо-Маклая. Как показал проведенный докладчиком анализ материалов русской прессы, содержание первого отчета более или менее полно было отражено в газетах и журналах только к 1875 г., а по-настоящему подвиг путешественника и гуманистическая направленность его исследований раскрылись для русского общества лишь в 1882 г., когда Н. Н. Миклухо-Маклай выступил с публичными лекциями в Петербурге и в Москве.

В докладе А. Я. Массова (Кораблестроительный ин-т, Ленинград) «Система принудительного труда в Папуа-Новой Гвинее в 1888—1941 гг.» говорилось о способе колониальной эксплуатации, на котором базировалась экономическая жизнь тех районов острова, где в довоенный период развивалось европейское предпринимательство. Характер этой формы эксплуатации (обман и насилие при вербовке на работу, насильственное удержание завербованного на рабочем месте, тяжелые условия труда на плантациях и в рудниках, жестокое обращение хозяев с рабочими) опровергает утверждения о гуманной цивилизаторской миссии Австралии в Папуа-Новой Гвинее. Приобщение аборигенов острова к достижениям европейской цивилизации нарушало демографический баланс и нормальную хозяйственную деятельность туземных общин и осуществлялось при помощи одного из самых жестоких и болезненных для коренного населения методов — при помощи принудительного труда.

Н. А. Бутин (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) посвятил доклад «Родство в Полинезии» проблеме классификационного родства. Многие, исходя из предположки, что родство может иметь только два источника — рождение и брак, искали корни классификационного родства, по сути своей не связанного с рождением, в браке (в частности, в гавайском обычае «Пуналуа»). Однако кроме семейного родства общинно-родовой строй знает и родство социальное. Важную роль в возникновении социального родства играют совместный труд, общая собственность на землю, совместное потребление пищи. В качестве примера докладчик упомянул об обычае «Таунгасоа» на островах Тувалу. Классификационное родство берет начало в среде ровесников (по обычаю «Таунгасоа» они становятся «братьями») и от них распространяется на восходящие и нисходящие поколения.

А. И. Азаров (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) в докладе «К вопросу о мужских сословных обществах у народов Меланезии» раскрыл экономическую основу сословных союзов. Это система платежей, установленная для вступления в союз и для повышения в ранге. Членство в союзах, сконцентрировавших в своих руках практически всю власть, сделалось неременным условием полноправности мужчины в обществе. Расположенный в деревне общий для всех членов союза дом «гамаль», важный признак существования мужского сословного общества, имеет множество сходных черт с мужским домом, но в гамале строго соблюдается различие рангов. Сословные общества, сказал докладчик, — это следствие процесса развития производящего хозяйства, что привело к получению устойчивого прибавочного продукта. В этих условиях появился объект накопления и, следовательно, возник и субъект этого накопления. Сословные союзы закрепляют сложившуюся ситуацию, используя общинно-родовые традиции.

В докладе Н. З. Климовой (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) «Кула у тробрианцев» была охарактеризована система ритуального обмена у меланезийцев. Институт «кула» был подробно рассмотрен в экономическом, социальном и идеологи-

ческом аспектах. Докладчица рассказала о строительстве лодки для морской экспедиции, перевозке ценностей с острова на остров. В итоге изложения был сделан вывод, что система «кула» содержит информацию, характеризующую общество тробрианцев в целом.

Многие мифы и легенды полинезийцев, рассмотренные в докладе И. К. Федоровой (Ин-т этнографии, Ленинград) «Следы шаманизма в фольклоре полинезийцев», связаны с древними религиозно-магическими верованиями, анимистическими и тотемистическими представлениями. В них также отражаются и некоторые черты шаманистического мировоззрения: шаманские учения о строении вселенной, о взаимосвязи различных стран мира, о странствиях шаманов в царство духов за душой человека и даже момент экстаза. Институт шаманов и шаманский комплекс со всеми его главными компонентами был позднее, в период разложения общинно-родового строя, поглощен жречеством. Характерные для древней шаманской мифологии образы духов и божеств лишаются ореола былой сакральности и становятся персонажами произведений устного народного творчества. Мотивы и образы, свойственные волшебной сказке, также частично восходят к шаманским представлениям и ритуалам, обрстая в сказке элементами волшебства и чудодейственных превращений.

М. С. Бутинова (Музей истории религии и атеизма, Ленинград) выступила с докладом «Основные формы религии народов Австралии и Океании в новой экспозиции МИРА». В нем было рассказано о принципах создания новой экспозиции «Религия первобытного общества», в частности разделов, посвященных верованиям и обрядам коренного населения Австралии и Океании. В экспозиции использованы объемные экспонаты, фотографии и другие материалы, раскрывающие религиозные представления народов Австралии, Океании, Америки, Сибири, Африки. Материалы по религии народов Австралии и Океании дают представление о религии народов, стоявших на разных этапах развития первобытного общества — от раннеродового до раннеклассовых обществ и государств. Докладчица подчеркнула, что указанные материалы имеют большое значение для решения общих проблем религиоведения и для научно-атеистического воспитания.

В докладе Е. С. Соболевой (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) «О некоторых особенностях стиля корваров из северо-западной Новой Гвинеи (по коллекциям МАЭ)» на примере так называемых корваров (деревянных антропоморфных фигурок — изображений умершего) была сделана попытка выделить особую культурную область, включающую Восточную Индонезию и северо-западную часть о. Новая Гвинея с прилегающими островами. Было показано несколько линий развития стилей корваров в разных частях этого региона. Ряд черт материальной культуры и основные элементы орнамента (завиток, или волюта), по мнению докладчицы, сближают северо-западную часть Новой Гвинеи скорее с индонезийской культурной традицией, чем с меланезийской.

Картина «Сцены из Арджунавибахи» послужила основой доклада О. П. Дешпандре (Государственный Эрмитаж) «К вопросу о связях восточнованского искусства и балийской традиционной живописи (на примере картины из коллекции Эрмитажа)». Популярность героя древнеяванской поэмы XI в. Арджуны объясняет приверженность скульпторов и резчиков к изображениям различных эпизодов из этой поэмы. Особый акцент на эпизоде искушения Арджуны небесными нимфами позволяет предположить наличие своего рода «изобразительной» магии, способствовавшей благодетельно участникам ритуала. Появление в композиции картины пародийных сценок с участием слуг — «пареканов» объясняется влиянием традиции театра вагант. Сравнение балийских картин с восточнованскими рельефами той же тематики показывает, что уже в восточнованский период были заложены традиции и композиционного, и изобразительного решения этого сюжета.

М. Ф. Чигринский (Всесоюзное географическое о-во) в докладе «Путешествие русского офицера П. И. Ибиса на Тайвань в 1875 г.» ознакомил слушателей с краткой биографией П. И. Ибиса и рассказал о целях его путешествия по острову. П. И. Ибис в своих заметках охарактеризовал этническую ситуацию на острове, описал свои передвижения по южным, северным и центральным районам, различные стороны жизни воинственных племен, с которыми он познакомился, заключенный им обряд побратимства с пайваном. Докладчик привел отрывки, содержащие психологические наблюдения П. И. Ибиса над различными народами Тайваня, в том числе китайцами, пиплу и гаошань.

Доклад Т. К. Шафрановской (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) «Забытый источник по истории и этнографии Китая начала XVIII в.» был посвящен анализу записок Г. И. Унферцатта о его поездке в Китай в начале XVIII в. Этот труд тогда же был издан на немецком языке, но еще недавно о его существовании знали лишь немногие знатоки книжных раритетов. Т. К. Шафрановская перевела эти записки полностью и впервые опубликовала их на русском языке в первом томе издания «Русско-китайские отношения в XVIII в.» (М.: Наука, 1979). В Записках содержится ряд ценных и интересных наблюдений, относящихся к началу знакомства России с Китаем: сведения о занятиях китайцев (земледелие, торговля, ремесло), о китайских свадебных и похоронных обрядах, религии, театре, праздниках, архитектуре, одежде, утвари и китайской кухне. В докладе было подробно показано, какое большое значение имеет этот забытый источник для этнографов, изучающих культуру и быт Китая начала XVIII в.

Е. В. Иванова (Ин-т этнографии АН СССР, Ленинград) выступила с докладом «Представления тай северного Таиланда, связанные со строительством дома и использованием его внутреннего пространства». Подготовка к возведению, строитель-

ство и заселение дома у тай сопровождаются ритуальными действиями под руководством жреца, а предписания относительно выбора материала для постройки дома, его ориентации, определения границ усадьбы передаются из поколения в поколение. Тайский дом представляет собой сложную структуру зон, уровней, реальных и символических границ с определенными правилами поведения внутри них и перехода из одной в другую, регламентирующими поведение в доме своих и посторонних; эти правила исполнены глубокого социального смысла. Использование внутреннего пространства дома определяется символикой стран света. Представления тай о пространстве и принципах его освоения сложились на основе архаических анимистических верований, слившихся позднее с буддизмом.

Большинство затронутых на чтениях тем вызвало активное обсуждение их слушателями. Выступавшие говорили о целесообразности публикации материалов прочитанных докладов в сборниках и периодических изданиях. Расширение круга участников чтений свидетельствует о росте интереса специалистов к подобным встречам. Особенно хочется отметить, что среди них было много молодежи.

Следующие, Четвертые Маклаевские чтения, состоятся в апреле 1982 г.

Е. С. Соболева

КОНФЕРЕНЦИЯ «МЕСТНЫЕ ТРАДИЦИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ КАРЕЛИИ»

11—13 марта 1981 г. в Петрозаводске проходила вторая конференция¹, посвященная комплексному изучению традиционно-бытовой культуры Карелии и сопредельных с ней местностей. Конференция была организована Фольклорной комиссией Союза композиторов РСФСР, Союзом композиторов Карелии, Институтом языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР, Министерством культуры Карельской АССР, Петрозаводским филиалом Ленинградской консерватории, Карельским областным советом Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), Карельским хоровым обществом.

Тематика конференции предопределила ее междисциплинарный характер, а ареал исследования — круг ее непосредственных участников. Среди них были специалисты разного профиля — этнографы, этносоциологи, этнохореографы, фольклористы-словесники и фольклористы-музыковеды, лингвисты и этнолингвисты, археологи, историки архитектуры, музееведы, искусствоведы. Наряду с петрозаводскими учеными в работе конференции приняли участие и ученые из Ленинграда, Москвы, Таллина, всего свыше 80 человек. На шести заседаниях (секций на этой конференции не было) было заслушано и обсуждено 46 докладов².

Конференцию открыл председатель президиума республиканского отделения ВООПИК Ю. А. Савватеев (Петрозаводск). Он подчеркнул необходимость комплексного изучения традиционно-бытовой культуры Карелии, для чего требуется объединение усилий научной общественности, координация ее деятельности, регулярный широкий обмен информацией. При этом особое внимание Ю. А. Савватеев уделил роли ареальных исследований в решении поставленной задачи.

Общее направление конференции наметил К. В. Чистов (Ленинград) в докладе «Этнические, региональные и местные традиции», носившем установочно-теоретический характер. В нем был обобщен уже имеющийся опыт регионального изучения народной культуры; были предложены определенные толкования основных понятий и терминов — «традиция», «местная (локальная) традиция», «этническая (национальная) традиция», непосредственно связанных с тематикой конференции; поставлены проблемы соотношения этнических и локальных традиций, а также взаимодействия этнических традиций в условиях многовекового контакта между народами, населяющими данную территорию (имеются в виду русские, карелы, вепсы, финны, саамы). В докладе речь шла и о методике обнаружения и интерпретации сходства и различия форм, возникающих параллельно под влиянием общих условий, либо сблизившихся в процессе развития, или заимствованных и адаптированных и т. д. К. В. Чистов говорил о необходимости согласования конкретных методик, разрабатываемых в отдельных науках, и сопоставления результатов их применения. Отмечалась плодотворность использования количественных, системных и картографических методов исследования.

Общеметодологический характер носил и ряд других докладов, прочитанных специалистами разного профиля. К числу их относятся доклады В. А. Лапина (Ленинград), Т. В. Краснопольской (Петрозаводск), Ю. А. Савватеева, Т. А. Бернштам (Ленинград), В. П. Орфинского (Петрозаводск).

¹ Первая конференция состоялась в 1977 г. Наряду с музыковедами в ее работе принимали участие этнографы, фольклористы, лингвисты, музееведы. См. Проблемы изучения музыкального фольклора русского и финно-угорских народов Карелии и земель Северо-Запада. Тезисы докладов конференции. Петрозаводск. 10—13 апреля 1977 г., М., 1977 (ротапринт).

² См. Местные традиции материальной и духовной культуры народов Карелии (Тезисы докладов). Петрозаводск. 11—13 марта 1981. Петрозаводск: Карелия, 1981.